

УДК 81.00

© **Мариям Арпентьева**
*профессор, старший научный сотрудник
кафедры психологии развития и
образования Калужского
государственного университета
им. К. Э. Циолковского, доктор
психологических наук, доцент (Россия)*

© **Mariam Arpentieva**
*Professor and senior researcher
of the Department of development
and education of Psychology of Kaluga
state university named after Tsiolkovskiy,
Doctor of Psychology,
Associate professor (Russia)
e-mail: mariam_rav@mail.ru*

ДИАЛОГ И МОНОЛОГ

Статья посвящена анализу проблемно-фокусированной модели диалогического общения. Сравниваются особенности диалогического и монологического взаимодействий, реализующих «смыслы для себя» и «смыслы для других» на разных стадиях общения: перцепции, коммуникации, интеракции и интеграции. В качестве центрального, ядерного момента взаимодействия рассматривается игра, анализируются ее составляющие (спектакль и состязание), особенности их реализации в монологическом и диалогическом взаимодействии на разных уровнях и стадиях общения, парадоксы и тенденции диалогического и монологического взаимодействий. Подчеркивается жизнеизменяющий потенциал диалогического общения, его направленность не только на решение проблем, но и на развитие субъектов общения, преобразование их жизнедеятельности.

Современность, эпоха постмодерна, ставит перед человечеством целый ряд вопросов, включая вопросы о том, что есть он сам и что есть его жизнь, как ему живется и как живется с ним. Отвечая на эти вопросы, исследователи отмечают, что отношения человека с собой и миром все больше утрачивают качества реальности и искренности, все больше нуждаются в осознанном усилии, «воле к смыслу», к диалогу. Многие работы отражают деятельностный характер общения, рассматривая его роль в формировании и развитии отношений между людьми и их жизнедеятельности в целом. Одной из базовых остается модель общения, созданная Г. М. Андреевой и развиваемая ее коллегами и учениками. В этой модели общения выделяются три основных взаимосвязанных стороны: интерак-

ция, информирование и перцепция, их разные уровни и типы. Общение выступает как интеракция, феномен отношений между людьми. Эти отношения в разной мере опосредованы совместной деятельностью людей и в зависимости от характера деятельности создают разные типы общения. Среди других весьма многочисленных работ выделяются исследования, развивающие диалогический подход, опирающийся на идеи М. М. Бахтина и других отечественных и зарубежных философов, психологов, социологов и лингвистов. В рамках самых разных иных исследований при описании и изучении общения выделяются его внутренняя, раскрывающая сущностные аспекты общения, и внешняя, раскрывающая структурные аспекты общения, стороны. Однако это выделение во многом условно, поэтому исследование общения и его феноменов остается одним из наиболее сложных направлений психологических исследований. В целом можно выделить четыре основных аспекта или стороны общения: общение-интеракцию, общение-интеграцию, общение-коммуникацию и общение-перцепцию.

Глубинная суть диалога — игра. Это хорошо показано в игровой модели общения А. У. Хараша, развивающей положения концепции структуры общения Г. М. Андреевой и концепцию деятельностного ядра групповых отношений А. В. Петровского, категория общения раскрывается через ряд основных положений [1; 2]. Во-первых, отмечается связь общения и деятельности: ее проявление в модусах «сообщничество» и «партнерство». Общение не получает внутренней основы, если это не общение по поводу деятельности [3; 4]. Однако общение не сводится к обслуживанию предметных задач, поставленных перед человеком. Интеракция выступает как производство и воспроизводство отношений между людьми, а деятельностные, предметные задачи существуют в мире людей для того, чтобы сконцентрировать на себе намерения и запустить процессы общения. Производство и воспроизводство отношений, распределение и утверждение интерперсональных позиций и статусов опосредованы обращением к предметным задачам, цели деятельности: в этом усматривается сущность и содержание процессов интеракции в том, что они выступают как часть общения [5; 1]. Общение, взятое и как интерактивный поведенческий акт, и как аспект общественного бытия человека (со-бытия людей), только тогда становится целостной системой, когда его интерактивные и перцептивно-информационные компоненты включены в определенную мотивационную составляющую. Интеракция выступает как игра. Аналогом такого понимания интеракции является идея «делового ядра» А. В. Петровского в стратегической концепции коллектива [4]. Говоря об уровнях развития и строения коллектива, он полагал в структурном центре группы данное «ядро», которое менее других изучено и осмыслено социально-

психологической теорией и которое задает функционирование и развитие остальных слоев. Такое «ядро» возникает даже в мимолетной, дистанционной или виртуальной встрече двух и более людей, в том числе в виде гипотез о правилах взаимодействия и возможном развитии отношений в связи с предстоящими предметными задачами. Люди, вступающие в общение, с самого начала предвосхищают некую «интригу», игру, готовятся к ней: и как игроки, предполагающие наличие соревнования, и как драматурги и актеры, включенные в сценическое действие, спектакль. Поэтому данное «ядро» можно также назвать «игровым»: игра — это и «есть то дело, ради которого мы приходим в этот мир и объединяемся в общности и сообщества», — полагал А. У. Хараш вслед за Й. Хёйзингой, Э. Берном и другими теоретиками общения [6; 7; 1; 2; 8]. Предметная деятельность реализуется в общении в виде взаимодействий (интеракций), построенных по игровым схемам: спектакля и игры, имеющих свой сценарий и свою историю. Игра — это состязание или соревнование, включающее противостояние сил и стратегий; а также шоу, лицедейство, включающее согласованность ролей и линий сюжета. Й. Хёйзинга полагает эти два понимания игры не более как ее «двумя существенными аспектами». «Игра, — пишет он, — есть борьба за что-нибудь или представление чего-нибудь. Обе эти функции без труда объединяются таким образом, что игра “представляет” борьбу за что-то либо является состязанием в том, кто лучше других что-то представит» [8, с. 24]. Таким образом, состязание и спектакль имеют много общего: спектакль состязателен, а состязание зрелищно. И то, и другое происходит по правилам, сценариям, отступление от которых чревато разрушением совместного действия. Чтобы быть в игре, даже разрушая ее, индивид должен делать вид, лицедействовать, что играет по правилам, поэтому, как подчеркивает Й. Хёйзинга, «мошенникам и лицемерам ... всегда доставалось меньше, нежели тем, кто нарушал игру: вероотступникам, еретикам, неофитам, узникам совести» [8, с. 22–23]. Делая вид, что он играет, не посягая на правила, даже если играет по своим правилам, — относительно безобиден, а не принимающий правил игры оказывается «штрейкбрехером игры», разрушителем «волшебного мира». При этом и то, и другое — «представление», предназначенное для наблюдателя. И состязание, и спектакль собирают наблюдателей, побуждая участников к самоподаче. Индивиды, участвующие в соревновании или сценическом действии особенно «высокого качества» практически в равной мере вынуждены заботиться о впечатлении, которое они произведут на наблюдателя (соглядатая, эксперта, критика), реального или воображаемого (потенциального), пассивного созерцателя или активного соучастника или организатора игры (тренера, режиссера). И то и другое требует усилий — самоотдачи, необходимой чтобы одержать победу (в состязании) или исполнить роль (в сценическом

действе). Этот момент является ключевым: интеракция — объединение индивидуальных усилий, кульминация, завершение интеграции как объединения индивидов. Ход и качество интеракции зависят, таким образом, от того, в какой мере ситуация объединения способствует выявлению и стимулирует приложение индивидуальных усилий. Однако сам человек выступает и как «игрок», и как «актер»: условие максимальной самоотдачи — полноценного, деятельного усилия — предполагает выбор между двумя ипостасями играющего, успешное и полноценное самовыражение (самоотдачу) или неуспех, предопределенный преобладанием самоподачи. В рамках этого выбора особое значение имеет социальная фасилитация [9; 10–12]. Условия, в которых люди выполняют одно и то же задание, находясь рядом, но не взаимодействуя, Ф. Олпорт назвал «коакцией» [1; 13–15]. В условиях «коакции» происходит интенсификация индивидуального действия: коактирующие вступают в состязание друг с другом и действуют наперегонки, причем более интенсивно в присутствии одного только внешнего наблюдателя. Однако их действия при этом упрощаются и стандартизируются, допускаются больше ошибок, типична ориентация на «групповой стандарт». Коакция интенсифицирует стороны человеческой деятельности, которые не обращены к индивидуальности и творчеству, личному выбору. При наличии выраженного «смыслообразующего» контекста усилий, связанного с возможностью выбора, он подвергается деиндивидуализации, упрощению и усреднению. «Тайна» («секрет») выступает как организующий принцип монологической интеракции: состязание в условиях «коакции» и «страх сцены» берут начало в тайне «другого» и индуцируемой присутствием «другого» как «тайны» тенденции к защите собственного «я». Монолог связан с двумя состояниями: либо взаимный антагонизм и недоверие, проявляющиеся во вражде и соперничестве, в тенденции управления впечатлениями, либо объединение для совместной манипуляции третьим «другим». Сплоченные и устойчивые сообщества характеризуются, как правило, высоким уровнем согласия суждений, позиций, мотивов и ценностных ориентаций, они оперативно вырабатывают единые, стереотипные представления о каждом из членов своей группы и других групп, причастных к жизни своей группы. Тожество как «единство» ценностных ориентаций и иных диспозиций — внешняя сторона групповой организации, внутренняя сторона — общность секретов или «тайн», к которым не допускаются не только люди со стороны, но и даже некоторые члены группы: иначе жизнь группы — ее «игровое ядро» — было бы разрушено. Всякая же игра, как полагает Й. Хейзинга, исключительна и обособлена, что проявляется «в таинственности, которой игра любит себя окружать... Это игра для нас, а не для других» [8, с. 23]. Монологическая интеракция — это объединение через общность секрета, поэтому она име-

ет два полюса — соперничество и сообщничество: взаимную антагонистическую манипуляцию и договор о совместной манипуляции «третьими лицами». При этом изучение «игрового ядра» затруднительно: тайна — то, о чем люди молчат; выдать ее — совершить предательство. Тайны не исследуются, а расследуются, в том числе социометрическими методами, которые могут указать как хранителей групповых секретов («сообщество посвященных»), так и «непосвященных», при этом содержание тайн и секретов остается закрытым: респонденты вполне открыто могут избегать контактов с исследователем, особенно там, где он настойчиво касается «тайных» тем. Их реконструкция, таким образом, может идти от «обратного»: темы, которых избегают, указывают путь к содержанию «игрового ядра» группы [4].

Диалогические интеракции осуществляются вокруг предметных задач и приглашают к партнерству. Если рассматривать типы интеракции, то партнерство выступает как верховная ступень объединения индивидуальных усилий. В подлинном диалоге хранителем тайн являются не люди, а предметный мир: тайна не то, что скрывается, а то, что скрыто, что-то непознанное, таящееся в части мира, которая приковала к себе внимание общающихся, партнеров. Партнерство — открытая система взаимодействий, ее поведение может быть противопоставлено другим системам и может пониматься как враждебное и конкурентное, но внутри оно таким не является: партнерство есть объединение индивидуальных усилий совместного самовыражения. Если сообщники заняты совершенствованием самоподачи (как актерская труппа, разыгрывающая спектакль, в котором люди помогают друг другу кем-то притвориться и на кого-то повлиять), то в партнерских взаимоотношениях наблюдается максимизация самоотдачи, забота о реализации внутреннего потенциала каждого из участников. Однако в реальном партнерстве неизбежна доля сообщничества и один из типичных секретов — завышение оценки «своих» и занижение оценки «чужих». Таким образом, сообщничество рассчитано на повышение индивидуальных оценок личности, а партнерство — на развитие и совершенствование самой личности. Сообщники «отпускают» друг другу промахи и грехи, а партнеры ориентированы на конструктивное решение проблем и взаимопомощь.

Таким образом, в обществе есть три основных типа взаимодействия [1; 11; 16]. В основе первого из них — «коакции» — объединение индивидуальных усилий, при котором «каждый играет за себя», храня свои индивидуальные «тайны», даже если решает стереотипную, стандартную задачу, действует и живет как и все. В плане взаимодействия коактирующие только соперничают. «Засекреченность» индивидуальных проблем и задач — одна из важнейших особенностей социального бытия большин-

ства людей, люди открывают окружающим меньше, чем знают о себе и мире, предпочитая решать свои задачи и проблемы без партнеров и общников. Даже сообщники часто не до конца «посвящаются» людьми, например, в интимные, особо секретные, детали. Поэтому вся психотерапия, в частности, направлена на раскрытие и избавление человека от индивидуальных тайн, которые человек, чтобы «не проболтаться» и не поделиться с другими, скрывает даже от самого себя. Однако ситуации исповеди и институт исповеди имеют универсальный характер, а жизнь «сделавшего самого себя», «одинокого рейнджера» долго человека не радует [6; 17]. Испытание и потребность доверить свои тайны другим обычно борется со страхом разоблачения, страхом негативной оценки [18; 17; 12]. Второй тип взаимодействия, монологический, включает объединение индивидуальных усилий, подчиненное мотиву соперничества: объединения с одними людьми ради противостояния другим. Такое объединение подчас еще больше обособляет, изолирует индивида от «остального мира». Третий тип взаимодействия — партнерство. Оно включает объединение в сообщество без противопоставления иным людям и сообществам. Идеальное партнерство — реальное членство индивида в сообществе «люди», не знающее разделяющих границ — возрастных, половых, этнических, политических, профессиональных, семейных, экономических, религиозных и т. д. Партнерство — осознанное соучастие в жизни человечества, состояние субъекта общения и деятельности, характеризующееся готовностью и способностью к совместной самоотдаче. Матрица объединения индивидуальных усилий диалога или полилога имеет встроенный механизм «рассекретивания»: в ее структуре не предусмотрено место для «хранителя тайн», и любой человек может и должен открыть (передать) информацию любому из членов группы, а многочисленные «непродуктивные» контакты помогают скоординировать группу. В монологической, централизованной сети информация «стекается» к центру, где свершается «тайнство» решения, при котором решение принимает субъект, чьи способности, знания и навыки далеко не всегда соответствуют уровню сложности и типу задачи. Поэтому полилогические, децентрализованные сети практически всегда превосходят в скорости и качестве решений монологические. Что касается динамики общения, то важно, что интеграция включает выбор между доверием или защитой [1]. Общение начинается со встречи, в процессе которой монологическая установка проявляется в защитных тенденциях, в стремлении к уходу и сокрытию, диалогическая — в доверии, в стремлении к встрече и самораскрытию. Монолог как «овеществление действительности» при овеществлении другого, противостоящего, субъекта — «палка о двух концах»: 1) субъект якобы упрощает задачу контакта, проигнорировав реальные возможности (степени свободы) другого и сведя их

к привычному для себя «вееру» альтернатив, обретает уверенность и субъективную свободу выбора поступков в общении с ним; 2) лишив другого одухотворенности, субъект лишает себя возможности видеть в нем близкое существо, возникает отчуждение, при котором другой становится чужим и даже менее предсказуемым, чем был до «превращения» в объект. Поэтому встреча с субъектом, превращенным в «безгласный» объект, вселяет порой и значительную панику, заставляет принять меры к самообороне. Готовность к интеграции выступает как готовность дать отпор, а перспектива интеграции — противоборство и, в перспективе, разъединение. Монологическая установка содержит мотивацию сближения — избегания. Это иллюстрируют результаты исследований «персонального пространства»: стремясь к установлению контакта с другими, индивид одновременно создает вокруг себя невидимую, но осязаемую границу, которая может быть осмыслена через: указание на предмет, ради которого они воздвигнуты (что защищается); выявление опасностей, угрожающих этому предмету (от чего защищаются); описание средств, которыми при этом пользуются (чем защищаются); изучение стратегий, к которым при этом обращаются (как защищаются). Обычно это забота о лице, «персоне», «Я-концепции», амбициях и скрытых под ними тайнах. Главный источник опасности для «Я» — его собственные суждения о другом человеке и их связь с суждениями о нем другого. Монологическая установка — источник социальных сравнений и фрустраций, вызванных неудавшимися сравнениями с другими, а также защита от фрустраций и иных «опасных потрясений», обычно через ролевую защиту, полемику и / или уход [19, с. 157–176]. Диалогическая установка проявляется на этапе интеграции в доверии как диспозиции построения и развития отношений, она включает отказ от защитных стратегий (фатической и доминативной), при этом обнажение «Я» делает «Я» доступным другому и доступным «Я» другого. Субъект доверяется как личностное целое: признает другого способным понять и признает себя важным, событием для другого, перестает сравнивать себя с ними, добровольно превращает себя в объект для другого: подлинная субъектность, включает превращение в объект, отказ от «Эго» (обычно маскирующего «Я»). Это доверие как готовность к самораскрытию. Вопреки бихевиористской модели самораскрытие — не просто правдивый или «откровенный» рассказ о себе, в том числе имитации самораскрытия типа самобичевания и прочих защитных уловок, образующих первый ряд полемических защит «Эго» [20–23]. Самораскрытие как «говорение себя» — разносторонний самоотчет о переживаниях (информации), а не просто информации [24; 25]. Диспозиция доверия, реализованная в самораскрытии, связана с разрушением ролевых, полемических и предотвращением защит-уходов. При этом выделяются две основные тенденции реагирования на самораскры-

тие: желание приблизиться к субъекту самораскрытия и прикоснуться, а также переживание «внезапного» пространственного сближения, своеобразная коррекция пространства и времени бытия, внесенная в монологически отчужденное видение мира людей в результате диалогических связей, доверия. Итак, общение выступает как спектакль и соревнование, в зависимости от их ориентации отражает манипулятивный конфликт по поводу секретов и интриг взаимоотношений или диалогическую конфронтацию как поиск истины человеческой жизни, бытия.

Содействие партнеров друг другу в решении личностно осмысленной для каждого из них проблемы приводит к формированию и развитию сознания, его новых содержаний и пластов. Это вызывает к жизни новые смыслы деятельности, ее трансформации, преобразование человека как такового. Взаимодействие людей становится трансперсональным. Такое трансперсональное, жизнеизменяющее взаимодействие, будучи взаимодействием любви, предполагает фокусировку не на собственных переживаниях и не на переживаниях другого, их «значимости» с точки зрения реализации никак не относящихся к отношениям целей, а «проблемно-смысловую фокусировку», поток переживаний и осмысления общающихся себя и мира в процессе разрешения важных для них и для всего мира проблем. Отношения диалогически общающихся — это отношения людей, уважающих и ценящих себя, друг друга, мир, отношения по поводу цели и задач совместной деятельности, включая обнаружение этих целей и задач, идентификацию совместной деятельности. Отношения людей — поиск ответов на вопрос «Зачем?»: «Зачем мы встретились? Зачем мы живем? Кто мы и что такое наша жизнь?». Ответ, который дают исследователи общения как диалога, прост и сложен одновременно: стать людьми и прожить истинную жизнь, наполненную риском реальных отношений, духовными смыслами и значимыми, воспитывающими и развивающими людей изменениями. Отношения в монологическом общении могут пытаться решить эти задачи, но чаще всего безуспешно.

Список основных источников

1. Хараш, А. У. Монолог и диалог / М. Р. Арпентьева [и др.] // Социально-психологическая компетентность: статьи и эссе. — Калуга : КГУ им. К. Э. Циолковского, 2016. — 650 с.
2. Хараш, А. У. Социально-психологические механизмы коммуникативного воздействия : дис. ... канд. психол. наук. в форме научного доклада / А. У. Хараш. — М. : МГУ, 1983. — 33 с.
3. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — М. : Политиздат, 1975. — 304 с.
4. Петровский, А. В. Психология и время / А. В. Петровский. — СПб. : Питер, 2007. — 448 с.

5. Морено, Дж. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Дж. Л. Морено ; под ред. Р. А. Золотовицкого. — М. : Академический Проект, 2001. — 330 с.
6. Берн, Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих отношений. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. — 640 с.
7. Руслина, А. О. Макиавеллизм личности и понимание манипулятивного поведения / А. О. Руслина // Вестник КГУ им Н. А. Некрасова. — Сер. Педагогика, психология. — 2007. — Т. 13. — № 4. — С. 124–130.
8. Хёйзинга, Й. Homo Ludens ; Статьи по истории культуры / Й. Хёйзинга. — М. : Прогресс — Традиция, 1997. — 416 с.
9. Казанжи, М. Й. Психологія фасилітативності / М. Й. Казанжи. — Одеса : Изд-во «Куприенко Сергей Васильевич», 2014. — 327 с.
10. Nisbett, R. E. Human inference / R. E. Nisbett, L. Ross. — Englewood Cliffs, N.-J : Prentice–Hall, 1980. — 370p.
11. Risman, D. Lonely crowd. The study of american character / D. Risman, N. Glaser, R. Danney. — New Haven, CT : Yale Univ., 1950. — 392 p.
12. Sullivan, H. St. The Interpersonal Theory of Psychiatry / H. St. Sullivan ; ed. by H. S. Perry and M. L. Gawel. — N.-Y. : W. W. Norton & Co., Inc., 1953. — 393 p.
13. Haraway, D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective / D. Haraway // Simians, Cyborgs and Women / ed. by D. J. Haraway. — N.-Y., L. : Routledge, 1991. — 312p. — P. 183–201.
14. Hayles, N. K. My Mother was a computer: digital subjects and literary texts / N. K. Hayles. — Chicago : The University of Chicago Press, 2005. — 288 p.
15. Reload: rethinking women +cyberculture / eds. by M. Flanagan and A. Booth. — N.-Y.; The MIT Press 2002. — 595 p.
16. Rogers, C. R. On Becoming an Effective Teacher / C. R. Rogers, H. C. Lyon, R. Tausch. — L. : Routledge, 2012. — 288 p.
17. Rimé, B. Interpersonal emotion regulation // Handbook of emotion regulation / ed. J. J. Gross. — N.-Y. : Guilford, 2007. — P. 466–485.
18. Василюк, Ф. Е. Молитва — молчание — психотерапия / Ф. Е. Василюк // Московский психотерапевтический журнал. — 1996. — № 4. — С. 141–145.
19. Буш, Г. Диалогика и творчество / Г. Буш. — Рига : Авотс, 1985. — 318 с.
20. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура. — СПб. : Евразия, 2000. — 320 с.
21. Доверие в социально-психологическом взаимодействии / под ред. Т. П. Скрипкиной. — Ростов н/Д : РГПУ, 2000. — 356 с.
22. Лейнг, Р. Расколотое «Я» / Р. Лейнг. — СПб. : Белый кролик : Академия, 1995. — 352 с.
23. Jourard, S. Healthy Personality / S. Jourard. — N.-J. : Prentice–Hall, 1974. — 380 p.
24. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М. : Искусство, 1979. — 424 с.
25. Михайлова, Е. В. Самопрезентация: теории, исследования, тренинг / Е. В. Михайлова. — СПб. : Речь, 2007. — 224 с.

Dialogue and monologue

The article is devoted to the analysis of problem-focused model of dialogical communication. Compares features of the dialogic and monologic interactions that implement «the meanings for themselves and for other meanings» in different stages of communication: perception, communication, interaction and integration. As a central, nuclear, moment of interaction deals with the game, analyzes its components: performance and competition, — the peculiarities of their realization in monologic and dialogic interaction at different levels and stages of communication, paradoxes and trends dialogic and monologic interactions. Highlights a life-changing potential of dialogical communication, its focus not only on problems, but on the development of the subjects of communication, the transformation of their life.

УДК 658.879:332.1

© ***Tatiana Artemenko***

доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела Хабаровского государственного университета экономики и права, кандидат экономических наук, доцент (Россия)

© ***Tatiana Artemenko***

*Associate professor of the Department of world economy and customs of Khabarovsk state university of Economics and Law, PhD in Economics, Associate professor (Russia)
e-mail: tv-artemenko@mail.ru*

МАГАЗИНЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТОВАРОВ: ОПЫТ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

В статье названы аргументы неоднозначной оценки развития торговли региональными товарами. Определена необходимость изучения лучших практик в этой области и их тиражирования. Кратко раскрыты основные составляющие концепции магазинов региональных товаров с указанием практики реализации в отдельных российских регионах.

Актуальность исследуемой темы определяется, во-первых, развитием в России проектов по созданию сети фирменных (брендовых) магазинов. Во-вторых, неоднозначностью оценки этого процесса со стороны его участников — товаропроизводителей, торговых сетей, администраций регионов и муниципалитетов.